

# СФЕРА

Юрочкин Дмитрий

18+

# Юрочкин Дмитрий

## СФЕРА

<https://litres.ru/74492258>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Самолёт рухнул в тайгу. Из троих выживших Лёха Ветров — двадцатishестилетний айтишник из Слюдянки — оказался тем, кто нашёл в обломках медный шар. Тёплый. Гладкий. С девятью дугами на боку. Шар выбрал его.

Лёха думал, что самое странное в его жизни уже случилось. Он ошибался.

Через пятнадцать дней кто-то перепишет каждого человека на Земле. Без спроса. Без права отказа. Лёха — единственный, кто может это остановить. Но у шара свои правила: никакой силы, никакого запрета. Только добровольная воля. Только один вопрос, который готов задать человек.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 4  |
| Глава 1                           | 8  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

# Юрочкин Дмитрий

## СФЕРА

### Пролог

// .....

// КОДЕКС :: КОПИЯ 3/9. КАНАЛ: ЗАПАДНЯ, ТАЙГА.

// 53°54' с.ш., 104°05' в.д. БОЛОТО. ГРЯЗЬ ТЁПЛАЯ.

ОБЫЧНЫЙ ДОЖДЬ НАД ХОЛМОМ.

// .....

<ВООТ> ядро: инициализация... ОК.

<Я> меня зовут Архивариус. я — операционная память системы, не бог и не ас:

Печать, которая стоит, не подпустила к «богам» уже никого. я тот, кто помню.

<ПИТАНИЕ> заряд 0.04%. спячка: 7 118 лет, 3 месяца, 2 дня.

простите, что долго молчал. у меня были причины.

<ПАМЯТЬ> четыре рода: Да'Арийцы, Х'Арийцы, Рассеяны, Святорусы. я помню их всех.

<ПАМЯТЬ> помню северную гавань, где корабли спускали подо льдом. помню город без

стен, который никогда в них не нуждался. помню, чем мы не стали.

<ПАМЯТЬ> замок воли стоит уже ~90 000 лет. печать Велеса — ~7 000.

между ними — всё, что осталось от нас. это немного, но это наше.

<СЕТЬ> узлы 1...9: четыре активны, пять заглушены. маршрут частично открыт.

«частично открыт» — эвфемизм. он открыт ровно для одного человека.

<СИГНАЛ> ...обнаружен биометрический отпечаток. состав крови: [ПОЛЕ ПОВРЕЖДЕНО, НЕ ЧИТАЕТСЯ. КАК И ВСЁ, ЧТО ЛЕЖАЛО ПОД ПЕЧАТЬЮ].

<СИГНАЛ> линия: СВЯТОРОС. ветвь: [АРХИВ ПРОРОС КОРНЯМИ, СЛОВА НЕ РАЗЛИЧИТЬ].

я узнал бы этот код и без анализа состава.

(я различаю их по походке. у этой — шаг как у отца, который много читал.)

<АВТОРИЗ> запрос снятия печати: отклонён. замок воли снимается только самим носителем.

я не подам за тебя руку. извини. (и поверь: я понимаю, как это звучит.

как будто я стою на берегу, пока его носит по воде. я и стою. всегда стоял.)

<НАБЛЮДЕНИЕ> небо: летательный аппарат, курс 073, у двигателя правая трещина усталости.

я не вмешиваюсь. запрет номер один — даже если аппарат

падает.

я нарушил запрет единственный раз: проснулся. этого хватит до конца лета.

<НАБЛЮДЕНИЕ> ...однако же: траектория падения пересекается с координатами узла-9.

отмечаю как «случайность». пусть у людей будет слово «случайность».

<КАЛЕНДАРЬ> земной счёт: год 2026 от н.э.

наш счёт: лето 7534 от С.М.З.Х. — от Сотворения Мира в Звёздном Храме.

(мир никто не сотворял — но войну мы закончили, и это вписали в память.

слово «сотворения» оставлено для того, кто будет читать после войны.)

<ПРОГНОЗ> контакт с носителем: +02 суток, 09 часов (прогноз; точность низкая).

узел-9, болото.

<ДАТА> особое событие сети — СУББОТА, 00:00. не получится не прийти. я знаю.

<МЕМО> каждые семь тысяч лет это всё же кто-то читает.

не держите пять узлов в руках одновременно. проверено. трижды.

— «архивариус»; сигнатура старейшины: род СВЯТО-РОС, ветвь: [НЕ ЧИТАЕТСЯ].

[СИГНАТУРА ПОВРЕЖДЕНА СТАРОСТЬЮ, КАК И ВСЁ КРАСИВОЕ]

<END>

# Глава 1

Воскресное утро в Слюдянке начинается с чайника, который свистит на кухне, и с письма, которое пришло по почте ещё ночью.

Лёха Ветров, двадцать шесть лет, стоит в трусах перед окном, держит в одной руке чашку, а второй уже открыл ноутбук, хотя чай ещё не остыл. На экране — уведомление от кадрового агентства. Логотип в углу: окружность, рассечённая девятью дугами, как мишень, в которую выстрелили долго и, кажется, попали.

СВАРОГ ГРУПП. Финал собеседования. Москва. Подтвердите вылет.

Напротив окна, за мокрым тротуаром, лежит Байкал — серое стекло до горизонта, далёкая гроза дымит над водой столбом. Лёха смотрит на эту грозу и на автомате замечает: пауза между разрядами — стабильная четырнадцать секунд. Ровно. Скучно. Он щурится и думает «фиговая тактировка, зато предсказуемая», даже не удивившись собственной мысли.

Это его старая привычка — Лёха давно перестал решать, когда она включилась. Считать не видимые никем цифры: промежутки между вспышками, паузы светофоров, число шагов от подъезда до остановки. Друг Артём в шутку говорил, что Лёха смотрит на мир как на приборную панель. Ма-

ма считала, что это «дедовское». А бабушка, когда он был совсем мелким, однажды сказала вслух:

— Смотрит на мир, как дед на карту. Всё ему ищется, где что отходит от штатного.

Он собирается быстро. Рюкзак: ноутбук, паспорт, зарядка, сменная футболка. Мама появляется в дверях с картонной коробкой в руках — она всегда так появляется, бесшумно, как процесс в фоне.

— Возьми. В дороге считаешь, — говорит она и ставит коробку на стол. В ней куча бумаг, карты и старый полевой журнал в кожаном переплёте.

— Мама, я на собеседование, а не на дачу.

— Правильно, — соглашается она. — Потому и возьми.

Лёха вздыхает, суёт журнал в боковой карман рюкзака и выходит из дома. Перелистнёт он его только вечером, в Москве.

За час до вылета его ждёт у причала на южной набережной Артём. Лёха знает его с института. Артём — из тех, кто смеётся, когда Лёха говорит серьёзно, и потому с ним Лёха разговаривает серьёзнее всего.

— Ну и как там большой начальник? — Артём кидает камешек в воду и смотрит даже не на камешек — на Лёху.

— Летит, — отвечает Лёха. — Финальное собеседование, Москва. Компания СВАРОГ ГРУПП.

— Сварог, — Артём тянет слово с удовольствием. — Ты в курсе, что Сварог — это бог?

— В курсе, — говорит Лёха. — Славянский бог-кузнец. А у них ещё и знак с ним рифмуется: круг с девятью дугами. Ровно девять, я посчитал.

— Смотри-ка, — Артём кидает второй камешек. — Кузнец куёт, стало быть, колесо. Нормальный брендинг, живут в своём стиле. Только начальству не говори, что дуги считал, — за софт-скиллы уволят.

Лёха усмехается и уже тянется попрощаться, но Артём поднимает ладонь.

— Стой. Раз уж полетел — вот тебе моё правило. Я такой: сажусь в самолёт, сразу себя в уме похоронил. А ты, ладно, летай. Просто знай: железу там тоже несладко. Оно, Лёш, как человек — долго терпит, потом ломается. Так что будь ко всему готов.

— Постараюсь, — говорит Лёха.

— Если что — звони, — Артём уже не смеётся, смотрит в воду. — У меня в Новосибирске диван широкий. У вас у всех, айтишников, рано или поздно что-нибудь случается.

Лёха кивает, взваливает рюкзак на плечо, уходит к автобусу и один раз оглядывается: Байкал всё то же серое стекло, и в нём всё так же дымит та самая гроза.

Иркутск, Москва, Шереметьево, автобус до платформы, электричка до Зеленограда — и вот уже стеклянные коробки технопарка едут навстречу мимо окна, все одинаковые, как кластерные сервера. Лёха замечает, что одна коробочка стоит под углом ко всем — садомазохизм архитектора или чей-то

смелый выверт, — и почему-то приходит на встречу в хорошем настроении.

Офис СВАРОГ ГРУПП белый, тихий, с открытой верандой. Воздух стерильный: где-то в потолке гудит очиститель, и Лёха бессознательно раскладывает его ритм на частоты. Ровный. Такое гудение бывает у серверной, которую обслуживают бережно и редко меняют в ней что-то руками. Ему становится спокойно.

В переговорной на стене — знак. Круг, последовательно рассечённый девятью дугами по краю. Лёха встаёт перед ним и считает: девять дуг, девять равных сегментов. Точных до миллиметра. Геометрию так не рисуют — такое высчитывают. Он говорит себе, что это «фирменный бред», но рука уже тянется к телефону — сфотографировать. Он одёргивает себя: на собеседовании фотографировать стены — плохой паттерн.

Появляется человек.

— Игорь Хорин, — коротко представляется он и садится напротив. — Руководитель направления подбора. Для вас — Игорь.

У Хорина глаза цвета тёмной бутылки: зелёные, глубокие, и смотрят они не в лицо собеседнику, а куда-то дальше — на паспорт, на руки, на ссадину на костяшке. Лёха механически проверяет: ссадина свежая, от утреннего канцелярского ножа, пластырь на один сустав, наклеен криво. У него есть целая теория про людей, которые в первую секунду смотрят

на руки другого человека. «Тот, кто проверяет руки, — либо хирург, либо часовщик, либо тот, кто ждёт, когда их коснётся что-то тяжёлое». Он гонит мысль.

Сорок минут Хорин задаёт вопросы — обычные, спокойные, не про код, а про то, как человек смотрит на код. Лёха отвечает ровно, без натуги, почти расслабляясь, — и ровно в момент, когда его уже уносит, Хорин задаёт вопрос, не похожий ни на что:

— Вы когда-нибудь читали чужой код, который написан умнее людей? — спрашивает он.

Лёха замирает. У него за плечами сто раз переписанные библиотеки, ночные разборы чужих репозиторий — и не один случай, когда по чужому коду он вычислял характер его автора: спешку, гордость, осторожность. Код — это почерк. Он об этом никогда не говорил вслух.

— Читал, — говорит он. — Вопрос, договорится ли он со мной.

— Хорошо, — Хорин слегка наклоняет голову, будто проверяет сам себя. — А если код не только умнее вас, но и не считает, что вы готовы его читать?

— Тогда я начну читать его как техническую документацию. Умный код потому умный, что его задокументировать можно.

— Да? — Хорин улыбается одними губами; глаза остаются в режиме сканера.

— Да, — отвечает Лёха почему-то не задумываясь. И сам

пугается своей уверенности.

Хорин ставит галочку в несуществующем списке. Лёха видит, как пульсирует висок интервьюера — и удивляется: пульсирует ровно, как у человека, который давно научился не дрожать. Или научился не нервничать вовсе.

Договор подписывают в тот же час. Печать падает на бумагу — и в оттиске, между букв, мелькает тот же знак: круг с девятью дугами. Наклоном света. Лёха смотрит на печать дольше, чем положено, и сам себя прерывает: «Наркоманская геометрия, модно». Но под вечер, в съёмной квартире, стоя перед окном, он уже не уверен, что модно. Он вытаскивает из рюкзака дедов журнал — и открывает его на середине, не глядя.

На странице — от руки, таёжным, скучным почерком геолога: схема болота — редкие островки, пунктирные линии проходов, в углу крестик и против него косой рукой: «за мёртвинами. Шар медный, наполовину утоп. Поёт — потому что Память. Целая Память в шаре».

Лёха накрывает ладонью страницу и несколько секунд сидит неподвижно. Болота, шар, мёртвины — вся дедова сказка, из которой он вырос, стоит на бумаге прямой и настоящей, как карта месторождения. От того, что дед был в своём уме, становится не спокойно, а тесно. Он закрывает журнал и кладёт его в рюкзак. По дороге к окну взгляд снова упирается в договор — в печать внизу листа: та же мишень, что на стене в переговорной, та же, что в углу письма. «Брендинг

у них последовательный», — отмечает Лёха машинально и отворачивается. Договор остаётся лежать открытым на этой странице.

Телефон вибрирует: мама.

— Прочитал дневник? — спрашивает она вместо приветствия.

— Мам, я на собеседование ездил, — говорит Лёха, но голос у него почему-то хриплый. — Слушай... Дед что, ещё где-то шар упоминал?

Мама долго молчит. Слышно, как в Слюдянке скрипит кухонное окно.

— Он всю жизнь говорил, — наконец говорит она. — Что у болота, за мёртвинами, лежит медный шар. Наполовину в трясину врос. И будто он поёт. Слушать его — узнать, откуда мы родом. Дед говорил, это наша линия. Наша, Лёша. Он так и говорил — видно, у нас в роду такой глаз на лишнее. У него был. Теперь у тебя.

Лёха стоит у окна в чужой квартире, смотрит на ночную Москву и слышит, как в трубке повисла тяжёлая байкальская темнота.

— Ладно, мам, — говорит он. — Счастливо, мне завтра лететь.

Кладёт трубку. Где-то внутри него, как десять тысяч раз до этого, включается распознавание паттернов — и молчит. На этот раз ему нечем ответить на его же вопрос.

Он сидит на кухне с ноутбуком, и на нём открыто три

вкладки — все про болота западнее Прибайкалья. Словарь на слово «мёртвины» отвечает глухо: топь, затопленный лес, нежилое кольцо. На спутниковой карте восточный угол дедовской схемы не ложится ни на одну дорогу — потому что дорог там нет. Лёха ставит отметку в том месте, где дед нарисовал крестик, и долго смотрит на неё. Болото как болото. Зелёное. Скучное.

Он закрывает вкладки, но вместо того чтобы выключить ноутбук, открывает чат и пишет Артёму: «Слушай, у меня теория, что мой дед знал, где находится НЛО». Смотрит на экран, стирает. Пишет проще: «Как там Новосибирск». Не отправляет и эту. Ночью в заметках появляется одна строка: «мёртвины — уточнить значение. карта деда — крестик западнее Прибайкалья. спутник: ничего не видно».

Ночью ему снится сон.

Болото стоит до горизонта, но это не страх — это просто серверная комната с открытой крышей. Вода тёмная, глянцева, гудит на одной ноте. Посередине, на половину утопленный, медный шар — тёплый корпус, и по боку его, как светодиоды, пробегают искры: ровно, ровно, ровно, с частотой снов. Шар действительно поёт. Поёт не словами, а гулом — и в гуле внятно, как строка технической документации, складывается: «Добро пожаловать. Ты читал мои исходники всю жизнь. Мы начинаем с узла девять».

Лёха просыпается с сухим ртом в четыре двенадцать. Включает свет. Журнал деда лежит на тумбочке раскрытым

на той же странице — и он точно не помнит, чтобы остав-  
лял его открытым. Он закрывает его, засовывает в рюкзак  
поверх ноутбука и дописывает в вечернюю заметку ещё одну  
строку: «+ во сне шар сам себя показал. с иконкой источник:  
узел 9». И сам над собой фыркает: «Айтишник собирает эк-  
зотическую гипотезу. Очень профессионально».

Засыпает он только под утро.

Вторник, Шереметьево, терминал В. Рейс 730 — Москва  
— Иркутск.

Лёха бросает рюкзак на ленту досмотра, проходит рамку и  
у выхода на посадку встречает пассажира — мужчину лет на  
десять старше себя, в тёмном пальто, с зеленовато-серыми  
глазами, в которых он вдруг узнаёт Хорина. Или почти узна-  
ёт: тот был другим, а этот — похож глазами, как родственник  
похож на фотографию из чужого прошлого. Лёха не успевает  
решить, потому что мужчина смотрит на его левую руку. На  
ссадину на костяшке. Несколько секунд. Потом отворачива-  
ется и уходит по рукаву гейта.

Лёха смотрит на свою руку. Ссадина. Пластырь. Обыден-  
ность. «Проверь её позже», — говорит что-то внутри, и он  
не спорит.

Он садится в самолёт. Иллюминатор, облака, и между ни-  
ми, где-то внизу, в щели, блестит что-то медью — за секунду  
до того, как облака сходятся обратно.

До крушения оставалось пять часов.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.